

Внутри автомобиля словно другой мир: тихо, чисто и повсюду этот холодный, присущий лишь Гу Ечэню аромат.

Су Янь прислонился к кожаному креслу, ноющая боль в лодыжке не утихала. Глядя на бесстрастного мужчину рядом, он впервые ощутил настоящий страх — бежать было некуда.

Он попытался отодвинуться, стараясь держаться подальше от сидящего рядом человека.

Кожаное сиденье тихо скрипнуло, и в звенящей тишине салона этот звук показался оглушительным.

Движение задело травмированную ногу, и острая боль пронзила лодыжку, отдаваясь в голень. Су Янь судорожно вдохнул, на лбу выступил пот, а тело непроизвольно напряглось.

Гу Ечэнь перевел взгляд на него. В этих глазах не было ни капли тепла, они были прикованы к сильно опухшей лодыжке.

Воздух в салоне стал тяжелым, сдавливая грудь Су Яня.

— Не двигайся.

Гу Ечэнь произнес это негромко, но в голосе звучал приказ, не терпящий возражений.

Он протянул руку и нажал пальцами прямо на область над лодыжкой, по самому краю отека.

Су Янь вздрогнул. Это не было прикосновением — это была проверка. Пальцы Гу Ечэня, ледяные, через грубую ткань брюк медленно и уверенно скользнули вверх вдоль контуров кости, словно он изучал их структуру.

Каждое движение отдавалось в теле дрожью от осознания собственного бесправия.

— Отпусти! — голос Су Яня дрожал, он попытался правой рукой оттолкнуть предплечье Гу Ечэня.

Но его запястье было перехвачено на полпути.

Второй рукой Гу Ечэнь без труда зафиксировал его руку. Его ладонь была сухой и сильной, пальцы намертво впились в пульс. Разница в силе была столь велика, что любое сопротивление казалось бессмысленным.

— Трещина в кости.

Гу Ечэнь отнял руку от лодыжки и вынес вердикт. В его голосе не было ни тени эмоций, лишь констатация факта.

Запястье Су Яня он при этом не отпустил.

Су Янь замер. Он смотрел на свою пойманную руку, затем на неподвижную левую ногу. Он чувствовал себя зверьком, угодившим в капкан: любая попытка вырваться лишь сильнее затягивала петлю.

Машина плавно ехала вперед.

За окном быстро мелькали огни города, и тот знакомый ему нищий мир оставался где-то далеко позади. Между ним и той жизнью теперь пролегло толстое, холодное стекло автомобиля.

Он больше не произнес ни слова.

Гу Ечэнь тоже молчал.

В салоне вновь воцарилась удушливая тишина, прерываемая лишь гулом мотора да сдавленными стонами боли, которые Су Янь пытался сдерживать.

Автомобиль не направлялся ни в одну из знакомых Су Яню государственных больниц.

Машина свернула в тихий район и остановилась перед современным зданием, которое совсем не походило на больницу. Здесь не было толп народа и шума очередей, лишь двое охранников в форме с невозмутимыми лицами стояли у входа.

Помощник вышел первым и быстрым шагом направился внутрь.

Через несколько секунд из дверей вышли врач в белом халате и медсестра, катившая инвалидное кресло.

Гу Ечэнь отпустил запястье Су Яня.

На коже остался красный след, она слегка горела.

Мужчина открыл дверь, вышел из машины, наклонился и снова взял Су Яня на руки.

Тело Су Яня одеревенело. Он не сопротивлялся — знал, что толку не будет. Просто закрыл глаза, не желая видеть удивленные и пытливые взгляды врачей и медсестер.

Его осторожно усадили в кресло.

Лодыжка зависла в воздухе, и когда нога коснулась края подножки, пронзительная боль заставила его глухо вскрикнуть и согнуться.

Гу Ечэнь стоял рядом с креслом, глядя сверху вниз на его страдальческое лицо.

— Сразу в рентгеновский кабинет, — сказал он врачу.

Голос его оставался ровным, но пожилой врач тут же закивал.

— Хорошо, господин Гу, пройдемте сюда.

Су Яня повезли внутрь здания.

Внутри все было белым: стены, пол, воздух пропитан смесью запаха антисептиков и дорогого ароматизатора. Постоянная температура, холод и полное отсутствие жизни.

Они двигались по отдельному коридору, не встретив по пути ни одного пациента.

У кабинета рентгена медсестра попыталась забрать кресло из рук Гу Ечэня.

Тот проигнорировал ее и сам ввез Су Яня в помещение, заставленное массивным оборудованием.

— Все, кроме врача, выйти, — приказал Гу Ечэнь.

Медсестра и помощник тут же удалились, закрыв за собой тяжелую свинцовую дверь.

В комнате остались только Су Янь, Гу Ечэнь и дрожащий от страха врач.

— Сделайте снимок, — скомандовал Гу Ечэнь.

Врач, не смея медлить, осторожно помог Су Яню положить травмированную ногу на холодную поверхность аппарата. Холод металла просочился сквозь ткань брюк.

Пока врач настраивал оборудование, Гу Ечэнь стоял в углу комнаты.

Он не смотрел на экраны — он смотрел на Су Яня.

Его взгляд, словно рентгеновские лучи, пронизывал насквозь. Су Янь чувствовал, что обнажен перед ним: его жалкость, нищета, бессилие — все стало явным под этим тяжелым взглядом.

Он отвернулся, пряча лицо.

Снимок был готов быстро.

Врач вставил пленку в негатоскоп, и свет озарил четкое изображение костей.

— Господин Гу, посмотрите... — врач указал на тонкую черную линию на снимке. — Линейный перелом дистального отдела левой малоберцовой кости, смещения нет, но...

— Используйте всё самое лучшее, — перебил его Гу Ечэнь.

— А? — опешил врач.

— Гипс, лекарства, всё, что потребуется — только самое лучшее, — повторил Гу Ечэнь, в его голосе проскользнуло нетерпение.

— Да, конечно! — поспешно закивал врач. — Мы всё немедленно подготовим.

Су Янь сидел в кресле, слушал их разговор и чувствовал, что всё это — абсурдный сон.

Ему собираются наложить «самый лучший» гипс. А он даже не знает, чем будет платить за квартиру в следующем месяце.

Его вывезли из рентген-кабинета и поместили в отдельную палату.

Палата была невероятно просторной, с собственной ванной комнатой, диваном и телевизором. За окном сиял ночной город, усыпанный огнями.

Медсестра принялась готовить инструменты для наложения гипса.

Су Янь наконец подал голос:

— У меня нет денег, — хрипло сказал он, обращаясь к Гу Ечэню.

Тот стоял у окна спиной к нему, глядя на ночной пейзаж. Он даже не обернулся.

— Это не то, о чем тебе стоит беспокоиться.

— Это мои проблемы! — Су Янь повысил голос, пытаясь опереться на подлокотники кресла, чтобы встать, но острая боль в лодыжке заставила его тут же рухнуть обратно.

— Теперь это мои проблемы, — Гу Ечэнь обернулся и направился к нему.

Он остановился перед креслом, глядя на Су Яня сверху вниз.

— Ты выбросил мои лекарства и довел себя до такого состояния, — голос его звучал тихо, но в нем чувствовался холод. — Ты думаешь, это сопротивление?

Су Янь закусил губу, молча.

— Ты просто причиняешь себе вред, — продолжил Гу Ечэнь. — А я терпеть не могу, когда мои вещи портятся.

— Я не твоя вещь! — Су Янь поднял голову и впился в него яростным взглядом.

Гу Ечэнь смотрел в эти полные гнева глаза, и на его губах, казалось, мелькнула едва заметная тень улыбки, но тут же исчезла.

— Принадлежу я тебе или нет — решать мне.

Закончив, он достал из кармана телефон и набрал номер.

На звонок ответили почти сразу.

— Это я, — голос Гу Ечэня снова стал холодным и равнодушным. — Разузнай всё о сегодняшней съемке группы Б фильма Пожар войны. О всех, кто имел отношение к этому дублеру. О режиссере и посредниках. Список — мне.

В этот момент кровь в жилах Су Яня едва не застыла.

Он всё понял.

Гу Ечэнь помогает ему вовсе не из доброты.

Он использует его травму, чтобы свести счеты с теми, кто его чем-то не устроил. Су Янь стал клинком в руках Гу Ечэня — клинком, который тот направит на других.

Гу Ечэнь закончил разговор и убрал телефон в карман.

Он склонился к Су Яню, встречаясь с его полными ужаса и неверия глазами.

Их взгляды скрестились в тишине палаты.

В одном читались абсолютный контроль и право собственности.

В другом — полная безнадежность человека, падающего в бездну.

<http://bllate.org/book/21842/2264539>